

АВТОЗИМНИК до села Воямполка раньше проходил не там, где сейчас проложена дорога. Переезд через скованную льдом реку Жиловая был под сопкой, и мы выехали на долгую прямую перед этим переездом. Накатанный автозимник для «джипа» словно шоссе и он резво несёт нас в своём чреве — в тепле и комфорте. Я рулю, а сидящий слева от меня Валентин не отрывает глаз от бокового окна. «Что там?» — спрашиваю я его, а он, не поворачиваясь ко мне, показывает на раскинувшийся слева увал и отвечает: «Вон там мы станом стояли, когда батя КФХ создал. Жили там всё лето...». Он замолчал, а я не лез с расспросами, лишь сбавил скорость — дальше видно то место будет...

С отцом его Анатолием и мамой Любовью Федотовыми я познакомился в начале нулевых. Я учился тогда на заочном и пришёл к ним домой просить, чтоб он взял меня до Анавгая, куда собирался выезжать автозимником на вездеходе. С его сыновьями — Валентином и Антоном я дружен, и довелось мне через эту дружбу лучше узнать этого замечательного человека. Его рассказы о пережитом интересны и незатейливы, то грустны, то напротив, не лишены юмора. Страниц газеты недостаточно для того, чтобы привести их все, и я прошу его по возможности коротко рассказать о молодости и зрелости, о пути, что довелось ему пройти:

- Ты знаешь, время в молодости течёт неспешно, это с возрастом оно начинает ускорять свой бег и самые яркие образы память пробуждает именно о молодых годах. Спроси любого о самом лучшем времени его жизни и услышишь ответ — детство. Вот и моё детство было счастливым, несмотря на то, что в быту мы многое делали сами. Посёлки, впрочем, как и люди, во времена моей молодости очень сильно отличались от нынешних. Контраст настолько глубокий, что порой становится тоскливо.

Я РОДИЛСЯ и вырос в Тигиле, там и получил образование. Тигиль тех

лет представлял собой одноэтажное село. Все друг друга знали, ходили в гости запросто, лица прохожих светились улыбками при встрече и двери в дом никогда не запирались. В Воямполке, где довелось мне жить и работать после службы в рядах Советской Армии, и сегодня ещё сохранился этот незатейливый в своей простоте и, быть может, от этого такой притягательный жизненный уклад, происходящий от простых, но необходи-

с. Тигиль

• Путешествие в прошлое

РАЗНЫЕ И ОДИНАКОВЫЕ СЁЛА

мых повседневных дел. Тигиль, как и Воямполка, стоит у реки — кормилицы. Летом на её берегу всегда стояла сеть, с которой любой человек мог без спроса снять рыбу для приготовления её в пищу и никто не брал сверх этого.

Рыба была основным источником питания не только людей, но и собак, и даже свиней. Вообще в то время многие держали кур, гусей, свиней, лошадей и, конечно, собак. Летом в селе не встретишь ни одной собаки, и гуси запросто гуляли по улицам, да и вообще там, где им вздумается, а все собаки сидели на привязи, на другой стороне реки. На том берегу реки сельчане ставили юкольники, на которых вялили рыбу, и собаки были привязаны в непосредственной близости от юкольника своего хозяина. Поздней осенью собак забирали к дому, у которого они и жили на привязи до весны.

РЕДКАЯ семья не держала собачьей упряжки. На собаках возили дрова, воду, ездили в другие сёла. Те псы не чета нынешним собакам, это были настоящие ездовые собаки, статью своей показывающие не признанную кинологами, а ныне безвозвратно утраченную породу. Двенадцать таких собак — это сила великая и прокормить такую свору непросто. На прокорм собакам шла как рыба, так и нерпа. Рыбы

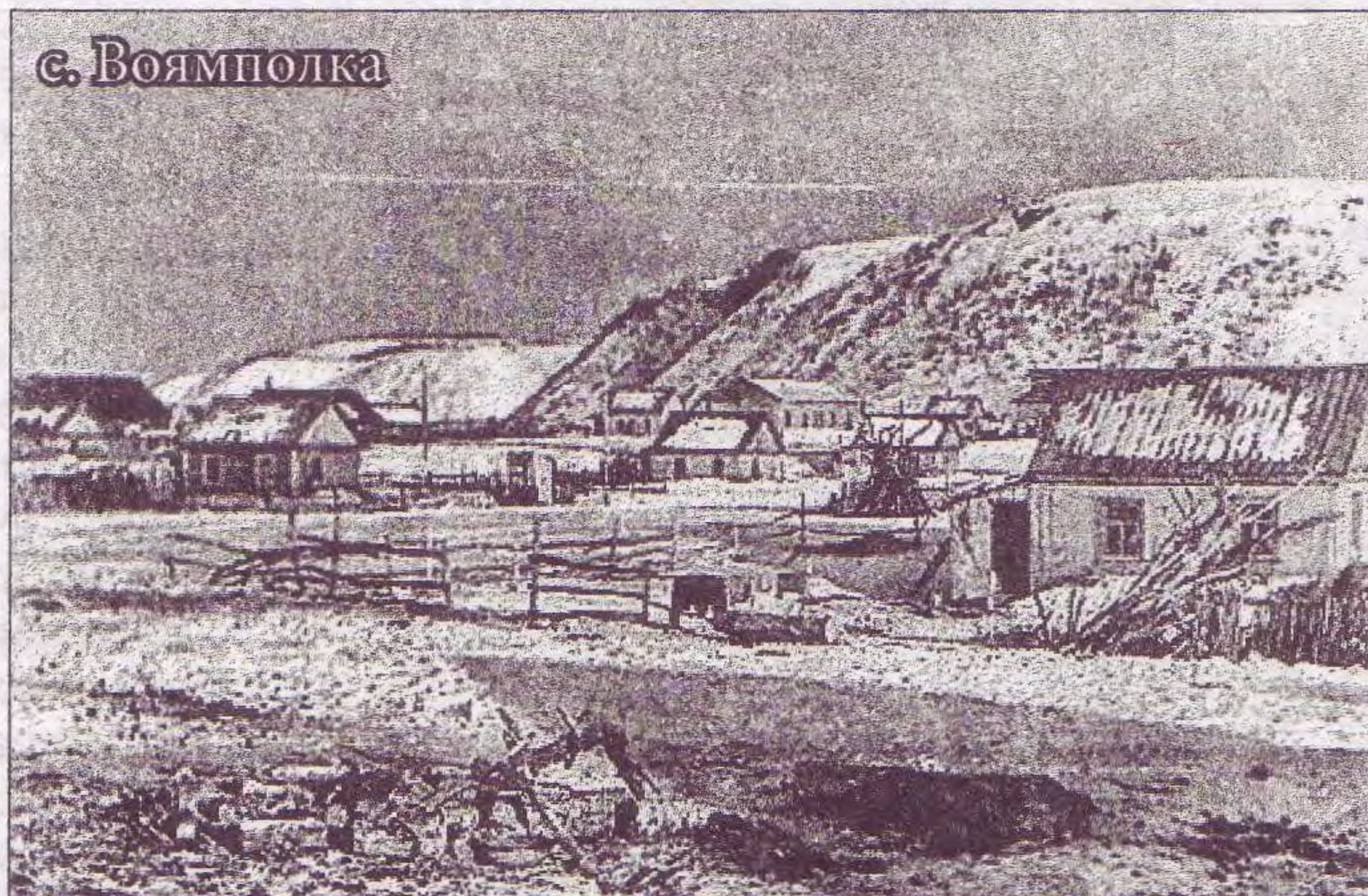
было множество и её хватало и собакам, и людям. Я с отцом заготавливал рыбу для наших собак, а зимой возил на них дрова. Испытанное мной, подростком, чувство восторга от управления упряжкой не поддаётся описанию, но запомнилось отчётливо.

Совершенно не ясно и удивительно, по какому наитию собаки понимают, что их сегодня запрягут в нарту. Они чуть не воют, только лишь завидев меня. Я иду к ним, по очереди отцепляю их, радующихся и стремящихся облизать мне руки, с привязи и впрягаю в нарту, а они норовят встать на задние лапы и упереть передние мне в грудь. Будучи запряженными, они лишь немного сбавляют свой пыл, но не затихают. Их нетерпение вполне понятно, поскольку работа в упряжке составляет смысл их жизни. Когда же все псы запряжены, я сажусь в нар-

ту и, растормаживая остол, команду собакам: «то-гок!». Рвут они с места в галоп. Несутся по селу, мне кажется, очень быстро, а встречный ветер усиливает ощущение скорости. Съехали на скованную льдом реку, и я ослабляю внимание, поскольку дорога по реке безопасна, разве что изредка лошадь гуляющая пройдёт. Я оборачиваюсь назад, в сторону уплывающего в даль Тигиля и вижу, как в стелющейся за нартой снежной пыли удаляются приютившиеся на берегу дома моих односельчан. Дым из печных труб словно толстыми канатами привязал к голубому небу эти хаты. Завораживающая картина, но я переключаю внимание на собак. Те уже перешли на размеренную рысь, увлекая нарту всё дальше от села.

Ехать мне не далеко. Я сворачиваю к деревьям, останавливаюсь и ставлю

с. Воямполка

нарту на остол. Собаки ложатся, а я, взяв топор, иду в березняк. Замёрзшая берёза под топором словно поёт, как поёт доносящийся издали бубен, разве что берёзка чуть звонче. Нарубленные дрова отношу к нарте и увязываю их. Сам сажусь сверху и правлю к дому. Собаки с загруженной нарткой неспешно бегут обратно. Очередной поворот открывает берег родного села, в котором теряется укутанная полозьями дорога с гуляющей по ней лошадей. Завидев лошадь, собаки с лаем рванули так, что я чуть с дров не свалился. Я тогда даже и удивиться их силе не успел. Торможу нарту остолом, который с хрустом вспахивает укутанную дорогу, оставляя за собой рваную борозду. Скорость падает постепенно, но псы всё равно тащат, но уже не лая, а натужно дыша. Лошадь припустила рысцей к селу, и я чуть ослабил остол. Доехали до дому спокойно, разгрузил дрова, привязал собак да покормил их. И лишь после удивился, да и по сию пору удивляюсь совокупной силе собак упряжки.

И НЕДАРОМ собаки зовутся ездовыми. Люди ездили на них из села в село. Зимой воямпольцы часто приезжали на собаках в Тигиль, а приехав, останавливались у знакомых - гостиниц тогда не было, а поскольку тогда люди ходили друг к другу в гости без повода, то и знакомились с остановившимися у знакомых воямпольцами быстро. Примерно так и познакомились родители мои и моей супруги, а познакомившись, сдружились и в другой раз останавливались они уже у нас. Любу в поездку они брали с собой. Выезжали с Воямполки чуть свет, а в ночь добирались до Тигиля. Долгие зимние вечера коротались за столом в дружеских, шуточных беседах и однажды в одной из таких бесед родители шутейно сосватали нас. Мы с Любовью одноклассники и тогда, будучи детьми, не придали значения этой шутке, впрочем, как и наши родители - пошутили и забыли. Но время

шло, мы росли и постепенно прикипали друг к другу. Я выучился, получил права механизатора и до призыва на военную службу работал по профессии. Пока я служил, Люба написала мне письмо, и я ей написал, стали переписываться. Тем временем мои родители переехали с Тигиля в Воямполку, и после службы я не мог не проведать их. Приехал после службы к ним, посмотрел, как и что, да и остался, а в 1977 году мы с Любовью поженились.

В Воямполке работал я механизатором, а после был избран депутатом. К тому времени нередко летали самолёты малой авиации - АН-2, на них-то, когда я был депутатом, мы и летали с Воямполки на

сессию в Тигиль. Доводилось летать и в Палану на партийные конференции. Была даже не уверенность, а убежденность в завтрашнем дне, что год от года сёла будут крепнуть и процветать, а люди будут жить в счастье и достатке. В то время Воямполка, как и Тигиль, была самостоятельным селом. Так же, как и в Тигиле, здесь велся промысел рыбы и морского зверя, заготавливалась пушнина, а оленеводческие звенья с избытком обеспечивали население мясом, получая взамен рыбу, лахтаций жир и шкуру нерпы. Я ездил в табуны, видел работу оленеводов. Труд их тяжёл, а быт суров. Оленеводы в то время были одеты исключительно в национальную одежду, сшитую женщинами так, как шили до них их предки. Звенья практически ни в чём не нуждались

- завоз продуктов и необходимых предметов был регулярным. Я и сейчас езжу в табуны, но современные табуны, под стать сёлам, далеко не те, что раньше.

Так было до перестройки. В одночасье рухнул налаженный быт, а с ним рухнули и общественные устои. Безденежье заставило людей искать заработок в коммерческой отрасли. С распадом совхоза возникла потребность населения в молоке и мясе, и я зарегистрировал крестьянско-фермерское хозяйство. Встал станом в нескольких километрах от Воямполки у реки Жиловая. Развёл коров и баранов и с приходом весны и до осени жили мы на Жиловой всей семьёй. Наличие собствен-

ной техники позволило своевременно поставлять продукцию в село, а оттуда завозить необходимое. Это были непростые дни, наполненные кропотливым трудом, но поскольку трудились мы от рассвета до заката всей семьёй, то дни эти, несомненно, были счастливыми.

ХОЗЯЙСТВО дало мне возможность непосредственно работать с животными и обратить внимание на их повадки. Интересно, что животные, также как и люди, социальны и мы воспринимали друг друга как единое целое. Мы зависели друг от друга. Даже кот принимал деятельное участие в жизни хозяйства - сядет вечером на крыльцо, и смотрит в траву, не моргая и не шелохнувшись. Мы укладываемся спать, а проснувшись поутру, видим, что на крыльце в один

ряд аккуратно разложены мыши, а в другой, отдельно, птицы и что характерно, кот выкладывал их на крыльце по размеру от большей к меньшей - по росту значит. Не обходилось и без курьёзов. Корова пасётся самостоятельно, а бараны нет - куда корова, туда и бараны и случилось в один из дней наблюдать нам, как баран, находясь метрах в десяти от коровы, сначала просто глядел, как она щиплет траву, а потом ни с того, ни с сего, с разбега как врежется низко опущенной головой щиплющей траву корове между рогов. Удар был настолько сильным, что баран упал, потеряв сознание. Корова подняла голову, чуть отошла в сторону и флегматично продолжила поедание травы. Я попросил, чтобы достали видеокамеру и включили запись. Через короткое время баран пришёл в себя, посмотрел по сторонам, увидел корову и пошёл от неё. Отойдя недалеко, он развернулся, и вновь, зарядив с разбега промеж рогов корове своим бараньим лбом, опять потерял сознание. Корова всё так же поглядела на него, бессознательного, так же отошла чуть в сторону, и всё так же продолжила щипать траву. Когда баран очнулся, он в третий раз повторил предыдущие, потерпевшие фиаско попытки. Всё повторилось - баран снова утратил связь с реальностью. Однако корова не баран - она грустно поглядела на находящегося в прострации барана и пошла, но на этот раз далеко. Очнувшийся и не обнаруживший коровы баран тоже пошёл, но не далеко, а к дому.

С 2000 года мы живём в Палане. Нерентабельным стало в Воямполке крестьянско-фермерское хозяйство, и мы переехали сюда. Я всё также работаю на технике - езжу по родной, такой красивой корякской земле и нет-нет, да вспоминаю оставшиеся в прошлом Тигиль и Воямполку - такие разные, и такие одинаковые сёла.

Г. КАЗИМИРОВ.
Фото автора.